

Одесский синдром

(Материал для сборки)

Опубликовано в журнале *Крешатик*, номер 1, 2011

Борис ХЕРСОНСКИЙ

/ Одесса /

Одесский синдром

(Материал для сборки)

Одесса – средиземноморский город. То, что он стоит на берегу Черного моря, – географический факт и в то же время – недоразумение. Ее строили итальянцы и французы. И итальянский, и французский языки какое-то время были здесь официальными. Помните – «язык Италии золотой»? Как и всякий южный приморский город, Одесса имеет вольный нрав, некую истероидность, присущую южным красоткам, черты, которые французские психиатры окрестили la belle indifférence – прекрасное равнодушие. Не верьте нашим южным жестам, расширенным глазам, всплескиванию ладошками, признаниям в любви... Не думайте также, что за этим что-то кроется. Поужасавшись или повосхищавшись всласть, Одесса пойдет на кухню готовить вкусную южную еду. Лицо ее будет выражать некую сосредоточенность – и ничего более. Это не лицемерие, в этом есть нечто иное. Одесса как бы актриса на сцене, пьеса давно написана и отступать от текста нельзя. Одесса показывает пришлецу то, чего от нее ждут: вы хотите, чтобы вас рассмешили? – рассмешат. Чтобы накормили? – накормят, хоть бичками (так и скажут – бички, вам нужен акцент – вот он), хоть тюлькой, хоть брынзочкой. Чтобы обманули? Обманут, будьте уверены! Одесса – та еще экстравертка, вся обращена наружу. Декораций тут не меньше, чем реальных построек. То, что символом Одессы является оперный театр, – не случайно. Итальянская ария, неаполитанская песня – вот что ей по нраву.

*

Как у всякого города, у Одессы есть свой миф. Выражение «одесский миф» стало трюизмом. Почти все, что услышит об Одессе пришлец, – мифологично. Начиная с того, что Одессос, греческая колония, давшая нашему городу имя, находилась вовсе не здесь. Вам расскажут о том, что в Одессе дружной семьей жили разные народы. Умолчим о еврейских погромах, их в Одессе было много. Но город спокойно проводил в ссылку своих греков, немцев, итальянцев. Проводил евреев в лагеря уничтожения, а намного позже – другое поколение уехало в эмиграцию. И Одесса помахала платочком вслед – а что еще делать?

Был американский документальный фильм «Русские идут». Его показали по советскому ТВ. Там были впечатляющие кадры эмигрантского пиршества в бруклинском ресторанчике. Пожилые люди плясали под песенку:

Разве может жить Одесса без евреев?
Одесса – не Одесса без этих людей!

Американский документальный фильм шел с советскими комментариями. Сразу же после бруклинской пирушки на экране появился человек в черном пиджаке и галстуке и сказал: «Как видите, Одесса вполне смогла обойтись без этих граждан».

Автор текста песенки ошибался. Прав был человек в черном пиджаке.

* * *

Иногда меня занимает, какой масти
были лошади, привязанные у ворот
дома, где я живу, какие напасти
преследовали владельца, собаки каких пород
лаяли при звуке открывающихся дверей,
какая женщина, задыхаясь, шептала: «Давай, скорей!
Он может вернуться в любую минуту!». Но он
задержался на службе и не услышал стон
из супружеской спальни. Теперь им всем все равно.
И мне все равно, как будто смотрю кино,

банален сюжет, кот свернулся у ног.
И вдруг все прерывает телефонный звонок.

Иногда меня занимает, как размышляли
о будущем те, кто в прошлом. Что виделось им
в полудетских мечтах, какие дальние дали
открывались и закрывались. Сказочки братьев Гримм
ничто перед текстами, которые по временам
подсознание шепчет на ухо нам.
Иногда меня забавляют мысли о тех, чьи тела
лежали на наших старинных кроватях, была ли кожа тепла,
была ли хоть толика нежности в прикосновениях руки,
были ль его шаги тяжелы, а ее – легки.
Иногда меня занимает, как попала
турецкая кофемолка в еврейский дом,
откуда в бывшей дворницкой мебель из парадного зала,
когда умерла хозяйка и что с ней случилось потом,
меня забавляют возможные судьбы ее души,
я слышу голос Спасителя: лети и впредь не греси!
Слышу ее ответ: и рада бы, да не могу,
прости меня, Господи, Ты знаешь, что я не лгу.

*

Греческое наследие – от древних амфор до усатого грека-контрабандиста из знаменитых стихов Багрицкого, – вот что не дает нам покоя! Даже фильм 1935 года об Одессе (текст писал Бабель) дает нам почти фантастический пример: аудиоряд – прославление Сталина, видеоряд – греческая надпись на мраморе и греческий сосуд. В шестидесятые годы я часто видел греческие амфоры в домах старых одесситов. Мало кто из мальчишек не мог похвастаться перед друзьями бронзовой античной монеткой, например, Ольвийским «дельфинчиком». Названия «Борисфен», «Деметра» означали не Днепр и богиню плодородия, но распространенные монеты все той же Ольвии.

*

У меня есть маленькая монетка Одессоса, на которой изображены сидящий Вакх и очаровательная женская головка. Вино и женщины, вино и женщины, завещанная античностью радость бытия.

*

Существует не только дух времени (Zeitgeist), но и дух места, гений места. Иногда они объединяются (есть такое бахтинское слово «хронотоп», всегда напоминавшее мне название какого-то древнего зверя). Это объединение предполагает внутреннюю борьбу не на жизнь, а на смерть. В случае Одессы победу явно одержал дух места. Что странно для такого молодого и легкого города.

*

Приморский город, морской порт автоматически означает открытость. Эта открытость порождает противоречие. С одной стороны, одесситы гордятся тем, что они «коренные», но в то же самое время значительная часть одесситов зависит от пришельцев и всегда зависела от них. Символ такой зависимости – рынок сувениров у стен недавно воссозданного Преображенского Собора. Свои проходят мимо: рынок не для них. Кому придет в голову в Одессе покупать кружку с видом все того же Оперного театра? Все для вас, дорогие гости.

И девушки с Таможенной площади, тоже символ открытости и доступности, они тоже для вас.
Любая торговля предполагает контакты с заморскими гостями. Эта свобода и эта открытость неистребима, даже в советские времена нелегальная спекуляция была источником дохода для жителей Одессы. Власти были бессильны, начиная борьбу со спекуляцией, они не без удовольствия сами погружались в дела подпольного бизнеса, превращаясь из преследователей в покровителей.

*

Гордость и услужливость, независимость и рабство – как все это связать воедино? Как объяснить, что «настоящие одесситы» часто в глубине души презирают друг друга именно за то, что «застряли» в своем городе!

Какими важными оказываются связи с теми гражданами Одессы, которые обосновались там, далеко! Тут дело даже не в материальном уровне жизни эмигранта (да и не всегда этот уровень высок!). Заманчива сама перспектива вырваться из родного города.

Как не вспомнить слова Остапа – «самое главное в нашем деле – вовремя смыться»...

И затем – тосковать о покинутом приморском городе, либо, наоборот, окончательно похоронить его «в сердце своем».

*

Как хорошая футбольная команда, Одесса имеет своих фанатов. На самом деле их число невелико, и проживают они не только в Одессе. Это одесские краеведы и коллекционеры «одессики», всего того, что связано с историей города.

Этикетка, фарфоровая пробка с названием знаменитой в Одессе пивоварни, открытки с видами Одессы, справки и документы – все это стоит немалых денег именно в Одессе, так что начинающему коллекционеру стоит съездить в Николаев или Херсон, а то и в Киев и в Москву. Правда, особого успеха можно не ждать – туда уже съездили.

Сам я в задумчивости стоял над жестяной чайницей образца пятьдесят седьмого года с видами Одессы, но так и не купил. Хотя именно такая стояла в буфете у моей бабушки. И находился там грузинский порошкообразный чай с ужасающим запахом, воспоминания о котором, скорее всего, и отвратили меня от этого приобретения.

А вот от покупки старого зеркала в бамбуковой рамке, на задней стороне которого стоит клеймо «специальный японский магазин в Одессе», я не удержался, хоть полотно зеркала нуждается в реставрации, которую сегодня в Одессе произвести некому. Да, я знаю, что старые зеркала покупать нельзя, что я внес в дом отражения всех прежних владельцев, их тяготы и горести, что я населил свой дом сотнями призраков. Конечно, я не суверен и все же почти искренне рассчитываю на помощь этих призраков в моем дальнейшем труде.

*

Одесское краеведение (как и всякое иное) во многом зиждется на скучных фактах: кто построил данный дом, кто был его владельцем, кто там жил, а кто туда заходил. Эти сведения охотно сообщаются туристам и, разумеется, вылетают из их голов немедленно. Но краевед не может представить себе, что архивные данные полицейского участка за 1907 год могут не интересовать людей. Что если кто-то и оживляется при словах «дом Вагнера», то только потому, что слышал о великом композиторе и даже слушал его музыку. Но Вагнер совсем не тот, и интерес слушателя увядает.

*

А между тем краеведы – также творцы одесского мифа. Собственно, каждый одессит немножко краевед. Не однажды я и сам выступал в этой роли, показывая город канадским гостям. Я рассказывал о Пушкине, о котором они что-то слышали, и об Амалии Ризнич, о которой они не слышали ничего. Подойдя к месту, где когда-то стоял дом, в котором квартировала Амалия, я придумал для гостей одесскую легенду. Я сказал, что существует поверье, что в этом доме обязательно должна жить самая красивая женщина Одессы, в которую должен быть влюблен поэт.

Легенда имела под собой некоторые основания. В этом доме обитала моя будущая жена, а кто был в нее влюблен – понятно и так.

*

Одесский миф – явление сугубо литературное. У Одессы просто не было времени для того, чтобы обзавестись подлинным фольклором. Герои одесского мифа, соответственно, герои литературные. Прототипы где-то на втором плане. Да и были ли они? Мне кажется, что идеальным воплощением для одесского мифа является карнавал или просто народное гулянье. Не случайно мы так ухватились за «Юморину» и празднование Дня города. Правда, на улицах в эти дни все больше народ заезжий. Одесситы предпочитают отсиживаться дома либо проводить время в театрах, где юмор не простой, а элитный. Выпустив одесский дух на улицы, мы предпочитаем не встречаться с ним лицом к лицу.

*

Часто говорят, что функция одесского мифа – облегчение жизни граждан нашего города. Одессит должен улыбаться и не терять бодрость духа, как поется в известной песне. Он должен не отбиться, а откупиться и отшутиться. Юмор – сердцевина одесского мифа. Юмор характерный, южный, витиеватый, плотский и, часто, плоский.

Но сам я, отдав несколько лет одесскому КВН, в дальнейшем считал обязанность шутить чем-то весьма тягостным, маской, которую нужно носить просто потому, что иначе – не поймут. При малейшей возможности я ее снимаю. Она – как и «Юморина» – больше для гостей.

Да и одесский миф часто кажется мне чем-то вроде домашней закрутки – консервированный продукт, сделанный несколько десятилетий назад. Можно потихоньку расходовать его запасы, но свежего, увы, уже не изготовить. Не из чего. Новый Бабель не появится в Одессе, а если и появится, то будет писать совершенно иначе.

*

Почти у каждого итальянского города есть стандартный набор масок. Ну, вот, к примеру маски венецианского карнавала, или знаменитый неаполитанский квартет во главе с Пульчинеллой. Думаю, существует и одесский квинтет: Беня Крик (Мишка-Япончик), Сонька Золотая ручка, Остап Бендер, Дюк де Ришелье и Пушкин. Последние двое, разумеется, как элементы мифа-карнавала ничего общего не имеют с историческими личностями.

Герцог де Ришелье лишился и имени, и фамилии, сохранив лишь титул «Дюк», весьма напоминающий выразительное русское «тюк». Что Дюк означает «герцог», и раньше не очень-то знали... А вот свиток в руке герцога вошел в историю дважды. Выпускники средних школ перед выпускным сочинением приходили к Дюку узнать у него секретные экзаменационные темы, считалось, что они написаны на бронзовом свитке. Развернуть свиток, разумеется, не удавалось. Из рук в руки и из года в год переходили «темы» «Горький и «Мать» его», «Я достаю из широких штанин» и пр. Но каким-то чудом попадались и реальные темы сочинений, утечка информации все же была.

Дюку нужно было выбрать королеву. Визжащую выпускницу торжественно поднимали на пьедестал первого губернатора Новороссийского края. В какой-то год ее решили раздеть. Этот эпизод надолго прервал многолетнюю традицию.

Второй момент куда менее пристойен, его называют «Вид на Дюка со второго люка». Если встать на второй люк и посмотреть на Дюка, свиток превращается в фаллос, а сам Дюк в вариант писающего мальчика. Люк при этом под ногами у смотрящего не проваливается.

Чуть лучше дела обстоят с Пушкиным. Он превратился в адресат безосновательных претензий типа «от мертвого осла уши получишь у Пушкина»... Кроме того, Пушкин фигурирует как некий Дон Жуан, соблазнивший жену князя Воронцова, Елизавету Ксаверьевну. Экскурсовод покажет вам место во дворце, где поэт предавался с ней любовным утехам. Правда, эта часть дворца во время пребывания Пушкина в Одессе еще не была построена. Но кого это волнует. Миф есть миф.

* * *

Двор с деревянным поясом галереи.
Мемориальная доска: «Здесь когда-то жили евреи».
Не бойся, мальчик, это были такие люди,
женщины носили в бюстгальтерах большие мягкие груди,
животы убирали в атласные грации с поясами,
их мужчины гуляли с карманными серебряными часами,
с брелоками на длинной цепочке поверх жилетки.
Целовались с женами, а от этого были детки.
В розовых чепчиках и немецких колясках,
а к зиме они подрастали и катались на старых салазках.

Здесь жили прошлые люди, теперь здесь пришлое сбрую.
Тоже живут, слава Богу, тоже детки – нивроку.
Тоже жарят к обеду тугую мелкую рыбку.
В общем, живут и, следовательно, повторяют ту же ошибку.

*

Миф есть миф, и его герои должны быть амбивалентны, они должны как бы состоять из двух половинок, белой и черной, доброй и злой. И к героям одесского мифа тоже «подтягиваются» тени, цепляясь за имя: к воровке Соньке Золотой Ручке – рыбка Соня, к бандиту и революционеру-анархисту Мишке-Япончику – одессит Мишка из песни...

Или романтической парой известной воровки все же является Вера Холодная?

★

Пушкин, Дюк и Остап Бендер не имеют пары.

★

Священное писание Одессы можно было бы назвать Пятикнижием:

1. Отрывок из Евгения Онегина: «Я жил тогда в Одессе пыльной...»
2. «Одесские рассказы» Бабеля
3. «Белеет парус одинокий» Катаева
4. Романы Ильфа и Петрова
5. «Время больших ожиданий» Паустовского.

Священным гимном Одессы являются песни вроде «Ужасно шумно в доме Шнеерсона», «Ах, Одесса», «Ах, какая драма Пиковая дама, ты мне жизнь испортила мою», «Есть город, который я видел во сне»... Список велик. Все эти священные гимны города собраны в маленькой книжечке «Пой, Одесса». Авторы не указываются, понятно.

★

Имеет ли Валентин Катаев отношение к одесскому мифу? История Пети и Гаврика мифологична по своей природе. Два мальчика, принадлежащие к разным социальным слоям общества (принц и нищий), но объединенные не просто дружбой, а чем-то большим, – сюжет, восходящий к архетипу «Близнецов». Хотя образцом для В.К. были, конечно, не индейские мифы, а, скорее, «Приключения Тома Сойера». Воспроизведенная на фоне революционных событий в Одессе 1905 года, мифологема срослась с другим мифологизированным сюжетом – фильмом Эйзенштейна. В Одессе установлен памятник Пете и Гаврику – чего же нам еще?

Но важнее всего – отношение «сознательного одессита» к личности Валентина Катаева. Оно навсегда останется положительным – несмотря ни на что. Ни на многолетнее приспособленчество самого подлого свойства, ни на подписи под позорными письмами, ни, наконец, на ложь и самовозвеличение в его поздних книгах (правда, впрочем, прорывалась через оболочки поздних фантазий и – прорвалась наконец, имеется в виду повесть «Уже написан Вертер»).

Подпись под письмом, протестующим против намечавшегося сноса одесских дач, затмила в наших глазах подписи писателя под иными обращениями советской поры. Одесские дачи, как и одесские дворы много, много значат для одесского мифа.

★

Впрочем, дачи в большинстве своем уже снесены. Облик Большого Фонтана, как и всего побережья, изменился до неузнаваемости.

Но если годами не появляться в этом районе, можно жить и радоваться.

★

Каковы критерии отнесения того или иного персонажа к существенным элементам «Одесского мифа»?

1. Наличие устойчивого зрительного образа данного персонажа.
2. «Народное почитание», то есть – широкая известность, персонажи и их высказывания легко узнаются, некоторые цитаты становятся крылатыми выражениями.
3. Персонажи входят в пантеон «Одесского карнавала» – «Юморины». Остап Бендер всегда будет приветствовать собравшихся из открытого лимузина, а скрипач Сашка – нет. Тем более не будут участвовать в карнавале маски Бунина, Пирогова, Мечникова...
4. Персонажи увековечены в городской скульптуре и являются также элементами городской символики. К примеру, кинофестиваль в Одессе назывался «Золотой Дюк», литературный конкурс – «Сетевой Дюк», шампанское тоже «Золотой Дюк», как и покойный кинофестиваль.
5. Литературные герои освоились на кино- и телеэкранах, и, таким образом, о них знают те, кто давно не держал книжку в руках, а таких у нас много. Очень много. Слишком много.
6. Вторичная «фольклорная переработка» имени или высказываний персонажа. Ну вот – пример:

Жил в Одессе Бенья Крик.

Ах, что вы!

Бенья мать свою любил.

Ох, бросьте.

Хороша у Бени мать.

Ах, что вы!

Значит, есть куда послать.
Ох, бросьте.

Пошло, впрочем, как и весь одесский песенный фольклор.

Критерий качества прозы или стихотворения, увы, несущественен в этой классификации. Так, остаются за кадром «Окаянные дни» Бунина, «Пятеро» Жаботинского, «Двор» Львова, – остаются вовсе не потому, что это плохая проза, наоборот! Но она не ложится в проторенное русло одесского мифа. А вот у сериала «Ликвидация» есть все шансы, несмотря на... несмотря на сериал.

* * *

Итак, литература одновременно и творец одесского мифа, и его составная часть. Как создатель мифа литература вполне реальна, но как часть мифа она совершенно фантазийна. И другого пути у нас нет: реальность достаточно печальна. В принципе литературу одесскую можно разделить на три части – заезжую, выездную и «остаточную». Заезжали в Одессу лучшие писатели и поэты России – Пушкин, Гоголь, Бунин, Маяковский... Одесса так или иначе присваивала их себе, легендами ли, названиями ли улиц, памятниками и мемориальными досками. Одесса входила в творчество этих писателей и поэтов. Но... Так вспоминают о мимолетном увлечении юности – с грустью, а иногда и с раздражением...

Выездная литература – литература, созданная одесситами, не пожелавшими умирать в городе, где они родились. Ахматова – не в счет, ее увезли из Одессы ребенком, а в стихах она публично отреклась от родного города, предложив поставить ей памятник «не около моря, где я родилась, последняя с морем разорвана связь...» Памятник все же поставили – в том районе, где предположительно находилась дача, на которой появилась на свет Анна Андреевна Горенко. Памятник состоял из бронзового барельефа и чугунной литой скамьи. Все элементы памятника в разное время были похищены и сданы на переплавку, скорее всего. Затем памятник был восстановлен.

Но вот беда – краса и гордость «одесской литературы», поэты и писатели т.н. южно-русской (теперь, как оказалось, южно-украинской) школы уже во вполне зрелом возрасте сознательно покинули свой город, не забыв оставить нам переписку, в которой город назывался «мертвым» и «пустым». В семидесятые-девяностые годы двадцатого века история повторилась, правда, писатели, покинувшие Одессу в эти годы никогда не достигали того уровня известности, как Багрицкий, Катаев, Олеша... Хотя имена в ней – замечательные. Назову хотя бы четверых: Аркадий Львов, Юрий Михайлик, Мария Галина, Ефим Ярошевский. Но имен на самом деле – гораздо больше.

Хуже обстоят дела с литературой остаточной. Те, кто умер здесь, практически неизвестны. Даже такой замечательный украинский поэт как Борис Нечерда, уже в пору независимости Украины. Мне в свое время, когда Борис был уже очень болен, приходилось хлопотать о выделении ему хоть какой-нибудь квартиры... Какая там квартира! Был в Одессе такой советский поэт Виктор Бершадский. Поэт не очень выдающийся, иногда просто наивный... Он попытался было уехать в Москву и был там какое-то время, но не удержался. Возвращение он описал так:

Мой переезд – сомнительная доблесть.
Общение, издательства, друзья...
Москва – Москва, а область это – область,
и ничего поделат тут нельзя.

Ничего не скажешь, прав был Виктор Арнольдович. Область это область, Одесса – это Одесса, ах!

*

Самое болезненное. Я уверен, что, при разнородности населения Одессы, у нее не может быть одного, единственного мифа. Думаю, что каждая этническая группа создавала здесь свой миф. Неужели у греков нет своего одесского мифа, в центре которого «Филики Этерия»? Неужели молдаване равнодушны к тому, что «Молдаванка» – молдавское поселение – старше основной части Одессы? Я наблюдал малоудачную попытку утвердить украинский одесский миф в качестве основного, официального. Этот миф основывался на том, что на месте турецкого Хаджибея когда-то было украинское поселение Кацюбеев, таким образом, Одессе – не двести лет, а целых шестьсот. Дерибас и Ланжерон спрятались было за спину атамана Головатого. А казацкие силы, участвовавшие во взятии Хаджибея, превратились на какое-то время в освободителей исконных земель от турок. Здесь дело не в фактах, а в акцентах. Хотя при необходимости факты хоронились под тяжким грузом фантазии – фантазии бывают тяжелы, да.

Так вот, официальный «одесский миф» – это тоже миф частичный, принадлежащий существенной части, но все же только части – населения Одессы. Эта часть присутствовала в городе дольше и была стабильнее иных. Она лучше говорила – говорила ярко, хоть и с акцентом. Но об этом – далее.

* * *

На скольких холмах этот город – не знаю, и никто не считал*,
но точно, что на холмах, и, кажется, их не меньше пяти,
тут в трамваях орудовал гениальный вор** – карманы щипал,

тут гениальный любовник девчонок сбивал с пути***,
и девчонки охотно сбивались, и музыканты в саду
тоже сбивались с ритма, и каждый сбой
был лучше прежнего****, здесь привлекались к суду
аферисты, фанаты чужого кармана, красавцы собой,
они выходили оправданными, в белых одеждах*****, а потому
можно было удачу им предрекать на спор,
и если гневался Бог и насылал на город чуму,
то быстро раскаивался, и прекращался мор*****.

* впрочем, есть взыскательные умы,
считающие людей в домах, дома на холмах и сами холмы,
но с такими умами предпочитаем пореже встречаться мы.

** вор был гениален, и все же позднее он
был арестован как австралийский шпион.
У него была сумка, в ней кенгуренок, вцепившись в сосок, висел.
Кенгуренок был конфискован, а вор, как положено, сел.

*** впрочем, путь был все туда же, к мужчине в кровать,
с такого пути девчонок не стоит сбивать,
на свадьбе последствия можно под белым платьем скрывать.

**** в городском саду играет духовой оркестр.
Оркестранты – студенты консерватории
с задолженностью за первый семестр.
Репертуар известен – марш, а за ним – вальсок
уходит в небытие, как вода – в песок.

***** например, продавец газводы был одет в белый халат,
а сам был негр, по крайней мере – мулат,
папа приехал из Конго, есть такая страна,
строить светлое будущее, не понял сам – на хрена.

***** прекращался, но не надолго. Вслед за чумой
приходила холера к нам, как к себе домой.

*

Было бы слишком просто сказать, что одесский миф – дело еврейской мысли и еврейских рук. По «глубине проникновения» эта мысль напоминает распространенное суждение о том, что евреи сделали революцию в России. Да, многие из писателей-творцов одесского мифа имели еврейские корни. Хотя и не все, разумеется. Роль евреев была велика, но... Это были евреи ассимилянты, ассимилянты первого, редко – второго поколения, стремящиеся как можно скорее забыть о своих корнях.

*

Русский писатель Иван Бунин во время пребывания в Одессе заходил в синагогу и подробно описал свои ощущения в «Окаянных днях». Евреи – творцы одесского мифа, вероятно, не зашли бы в синагогу ни при каких обстоятельствах. Идеи интернационализма и коммунизма – вот что их привлекало. Интернационализм прилагался к этому «пакету идей». Даже экипаж Антилопы-гну из «Золотого тельца» – некая модель интернационала: русский Балаганов, сомнительный Паниковский, поляк Козлевич и турецкоподданный Остап Бендер-бей. Братья Катаевы, Олеша не имеют никакого отношения ни к еврейскому народу, ни к еврейской культуре, а к одесскому мифу имеют самое прямое отношение. Я бы рискнул сказать, что братья Катаевы имели в то время очень мало отношения к традиционной русской культуре, а Олеша – к польской.

Отрыв от национальных корней – общая черта творцов одесского мифа, к какой бы национальности они ни принадлежали.

*

Вторая важная особенность – одесский миф уходил из Одессы и возвращался в нее бумерангом. Наиболее важные для Одессы тексты создавались вне Одессы. Поэтому одесский миф имеет двойную природу: внутренняя динамика и внешние впечатления. Чем дальше, тем больше было внешних впечатлений и внутреннего стремления соответствовать внешним впечатлениям.

*

Несколько лет по всей Одессе стоят рекламные щиты с портретами Жванецкого и текстом: «Улыбайтесь! Вы в Одессе». Мы-то в Одессе, а Жванецкий в Москве. И чему особенно улыбаться...

*

Молодая журналистка напомнила мне выражения «антиодесская статья», «антиодесский журнал». Это выражение довольно часто употребляется патриотами моего города. «Антиодесское» – это не то, что разрушает дома старой Одессы, меняет ее привычный архитектурный облик. Это то, что разрушает одесский миф. Почему мы защищаем миф яростнее, чем сам город?

*

Мне кажется, что одесский миф выполняет роль «парадигмы» в понимании Т. Куна, то есть он не только организует прошлое, но и предопределяет желательное будущее городской культуры. Это те рамки, в которых нужно держаться, чтобы быть «своим». В Одессе быть «своим» важнее, чем в ином городе...

*

Знаю по крайней мере два случая, когда были сделаны оргвыводы в отношении редакторов одесских журналов, опубликовавших «антиодесские материалы». Подчеркиваю – опубликовавшие, а не написавшие! Авторы статей были люди вольные, им ничего не сделаешь.

Думаете, я написал одну из этих статей? Не угадали. Пожалуй, этот текст – мой первый «антиодесский материал».

*

Есть все же разница между персонажами «Неаполитанского квартета» и героями одесского мифа. Пульчинелла – кто угодно: рогоносец, горбун, дурак, воплощение Приапа. Но он не жулик, не вор, не бандит. Тарталья кто угодно – крючкотвор, зануда, несчастный отец. Но он – смешон, а не страшен.

Герои Одесского мифа, увы, по преимуществу жулики или бандиты. Без «комплекса Робин Гуда», они вовсе не собираются делиться награбленным с бедняками... Кстати, даже Остап Бендер может быть достаточно жестким и даже жестоким, в одной из киноверсий «Двенадцати стульев» эту «темную сторону» гения авантюры прекрасно воплотил Миронов. И фильм оказался далеко не таким смешным...

* * *

Местный камень живет от силы двести лет, это предельный срок.
выйдешь из дома – камень, вернешься – песок,
уходящий меж пальцев, меж стихотворных строк,
предельное время углом пальца стучится в висок.

Смотришь на разрушение, покачивая головой:
из песка построят дети дом, не хуже, чем твой.
С башенками, воротами, зубчаткой – стеной крепостной,
смотрит, дивится, не нахвалится люд честной.
Ржавый ящик почтовый на свалке валяется. В нем
белый конверт, помеченный позавчерашним днем:
напоминание о долге за воду, за свет, за газ.
Как говорится, чтоб это было в последний раз.

*

Представьте себе девять томов под названием «Врачебная Одесса». Представили? У Вас богатое воображение. А теперь представьте себе девять томов под названием «Бандитская Одесса». И представлять не нужно – иди в книжный магазин или, лучше на книжный рынок и покупай, если только найдешь, а то быстро раскупается!

К чему это я? Автор «Бандитской Одессы» – известный врач, сын выдающегося ученого, да и сам – профессор. Надеяться, что какой-либо вор в законе сделает ответную любезность и напишет многотомный труд об одесской медицине, не приходится...

*

А вот для меня доктор Пирогов, давший имя Медицинскому Университету, ничем не хуже Мишки Япончика. Если и отрывал руки-ноги, то на войне, ампутировал, применяя, кстати, наркоз. Мишка и подручные его к наркозу не прибегали... И Сеченов, трудившийся в Одессе, тоже не чета Мишке. Хотя и теорию Сеченова я не люблю, и голов лягушачьих физиолог отрезал несчетно, хоть французский ресторан открывай при его лаборатории. Но лягушка – не человек...

*

Сеченов говорил, что все наши чувства и мысли суть – рефлексy.

У меня есть некий врожденный, безусловный рефлекс на уголовщину: отвержение и отвращение. Одесский миф избирательно подавляет этот, на мой взгляд, важнейший рефлекс.

Вот даже в «Ликвидации» следователь Гоцман с урками борется и в то же время их уважает. И Утесов, на концерте которого в Одесском оперном (от слова «опер»?) арестовывают воров в законе, просит прощения у... Одессы. Это, впрочем, миф об Утесове. Но и реальный Утесов едва ли не главный музоформитель одесского мифа. Впрочем, о музыке – особый разговор.

А пока – реальное воспоминание. В лихие девяностые был у Одессы «крестный отец» по кличке Карабас. Влияние его в городе в то время трудно переоценить. Говорят, что и крупные чиновники у него на ковре бывали. Так вот, на каком-то одесском мероприятии КВН-щики пошутили: венок «Дерибасу от Карабаса».

И все смеялись, честное слово.

*

Несправедливо было бы связывать культ блатарей исключительно с одесским мифом. Популярность бандитского фольклора в свое время достигла общесоюзного уровня (конец двадцатых – тридцатые). В девяностые годы двадцатого века и в нулевые двадцать первого эта популярность еще и усилилась: специальные теле и радиоканалы 24 часа в сутки семь дней в неделю ретранслируют криминальные песни. Этот жанр, шансон, имеет своих гениальных предтеч (Владимир Высоцкий, к примеру), одаренных исполнителей и исполнительниц, но куда больше дешевых стилизаций и сугубо ресторанных вариантов. Не говорю уже о новом сверхпопулярном жанре – «бандитский сериал», общее количество серий учету не поддается...

*

Но одесский фольклор – как ни крути – оказал на развитие этих жанров огромное влияние. Леонид Утесов, возможно, сам того не желая, стал «застрельщиком» в деле популяризации блатной песни. Какой же одессит не любит Утесова? Вот он, бронзовый, сидит на бронзовой же скамейке в Городском саду. Кто не садился на скамейку с ним рядом и не фотографировался на память? Сколько замечательных песен спето им! И в том числе...

«товарищ мой товарищ, за что же мы воюем, за что проливаем нашу кровь»

«Двух урканов» по преданию любил сам товарищ Сталин и слушал – на подпитии. Ну, тут все естественно.

*

Стоп! – скажете вы. Но самый длинный из блатных сериалов назывался все же «Бандитский Петербург!». При чем тут Одесса?

Кто спорит. Да, и в Петербурге были колоритные бндиты во все времена. И сериал был (одну серию как-то просмотрел для информации). Но вот – не представляю себе, как на день города в Петербурге во время шествия по Невскому проедет черный мерс, из которого публику будет приветствовать Антибиотик...

* * *

никто ни на что не годеи чтобы это понять
достаточно жизнь прожить перейти поле пенять
каждому недотепа ублюдку пришедшему в мир
чтобы жизнь иметь и иметь с избытком сносить до дыр
замыть кровавые пятна залатать кое-как
умер дурак щелкунчик а все крошится табак
а все разбирает страх хоть времена не те
что все равно если ты маленький в темноте

никто ни за что не в ответе никто разве что сам
призывающий нас к ответу если не сам то зам
если не зам то карлик исполняющий долг
если не он то товарищ тамбовский волк
поднимающий морду к луне покачивающий головой
вы еще не знаете что такое подлинный волчий вой
но мы-то знаем слышали и не один
раз дожив до матерых волчьих седи

ничего никогда не кончается даже жизнь
примеряет новое платье а ну повернись покажись
то же пятно кровавое та же дыра
тот же колодец посреди того же двора
те же ласточки с резким свистом расчерчивают синеву
тот же кот вероятно болен щиплет траву
тот же город катает автомобили по улицам тот же дух
завывания заклинания целый век повторяет вслух

*

Живой организм состоит из клеток. Что является «клеткой» мифической Одессы, что есть протоплазма и ядро этой клетки?

Неделимая единица одесского мифа есть одесский двор. Вариант – одесская коммуналка. В какое-то время эта мифическая структура города более или менее совпадала с реальной. Начиная с шестидесятых годов строительство хрущоб (черемушки), а затем девятиэтажек и высотных домов изменило быт одесситов. Коммуналки еще существуют в центре города, типичный дворик на Молдаванке – не редкость, но большинство одесситов живет в ячейках современных термитников. Ядром «клетки» мифической Одессы являются отношения соседей – крепкая дружба, жизнь одной интернациональной семьей... Дружба может прерываться колоритными скандалами с заламыванием рук и демонстрацией всего богатства «одесского языка», где в одной фразе «байстрюк» (ублюдок, укр.) может соседствовать с «штинкер» (вонючка, идиш) и польским «пся крев». Но скандалы завершаются миром, одна из конфликтующих сторон угощает вторую фаршированной рыбой (одесский миф имеет и свою кулинарную книгу, при этом блюда из этой книги реально существуют и, думаю, этот аспект мифа окажется наиболее устойчивым, рюмочка домашней наливки (вишневка) довершает примирение... Но если кто-то в беде или у кого-то радость, все объединятся, все будут радоваться и горевать вместе.

*

Всем двором отпразднуют свадьбу, всем двором похоронят и помянут.

«Где рождения справляют и навеки провожают всем двором». Эту песню поет Анжелика Варум, и песня не имеет отношения к Одессе. Сейчас она завершает популярную смеховую передачу «Городок». Городок, конечно, не Одесса. А вот авторы «городка» имеют к Одессе непосредственное отношение. Правда, Ира?

*

Действие одесской литературы должно разворачиваться внутри двора или внутри коммунальной квартиры. Роман А.Львова так и называется «Двор». Пьеса, написанная тремя одесскими авторами Валерием Хаитом, Георгием Голубенко и Леонидом Сущенко, называлась «Старые дома». Действие рассказов нескольких писателей Одессы

разворачивается опять-таки в типичном одесском дворике. Да и сам я мало ли написал стихов, где одесский дворик – декорация и лирический герой одновременно...

Все, что вне двора, считай, вне Одессы, по крайней мере – вне одесского мифа, это уж точно.

★

Американский писатель Джошуа Кохен написал замечательный роман «Witz» (в названии – игра слов, с одной стороны это «шутка», «острота», с другой – типичное окончание еврейской фамилии, Гурвиц, например, или Горовиц). Роман – огромная притча, фантасмагория. Все евреи погибают от какой-то загадочной эпидемии, охватившей всю землю. Все, кроме одного. И вот, когда евреи исчезли, они, что называется, «входят в моду». Иудаизм становится популярным, пейсы – модной мужской прической, а лапсердак – модной одеждой... Последний же оставшийся еврей вовсе не является носителем еврейских традиций и быстро из объекта почти религиозного поклонения превращается в преследуемого несчастного человека.

В случае с одесским мифом есть нечто похожее, хоть и не столь трагическое. Традиционных одесситов в Одессе все меньше (хоть и осталось некоторое количество, но...). Одесский же миф живет и побеждает, хоть и «наполнение» его – иное. Так, изучение «священного писания» одессита явно отошло на второй план, молодое поколение не читает ни Бабеля, ни, тем более, Катаева, даже песенки одесских не знают, потому и не поют.

Многие же из оставшихся одесситов, читавших всю «одесскую литературу», вовсе не являются адептами одесского мифа. Они одновременно – и настоящие одесситы и – «предатели» своего города. Хотя за сносимые исторические здания, как правило, заступаются именно они.

А миф существует в упрощенном, карнавальном варианте.

И, не забыть бы, – туристическом. В этом смысле карнавальный вариант одесского мифа – это то, что может принести городу прибыль. А деньги Одессе и одесситам нужны всегда, эта любовь к звонкой монете – тоже часть нашего мифа.

★

Если есть «священное писание» одессита, то должны быть храмы и религиозные общины. Это клубы и землячества, объединяющие тех, кто покинул Одессу. В самой Одессе они тоже существуют, но больше ориентированы «вовне». Наиболее авторитетная организация «Всемирный клуб одесситов» с филиалами, разбросанными едва ли не по всему миру (Китай, Уганда, Саудовская Аравия и пр. – не в счет). Старейшая же, по-моему, «Одеколон» (Одесская колония) в Москве. По крайней мере, в 1966 году она уже существовала, и я писал приветствие для этой общины в виде стилизации под одесскую песенку. До сих пор стыдно.

★ ★ ★

Вагончики фуникулера, красно-желтые, еще те,
бельгийские, открытые, на манер дачной беседки
катают деток на такой высоте,
что с земли не видать, куда укатали детки.

Разве только в бинокль театральный смотреть
или в трубу подзорную, раздвижную,
разве только медный чайник на примусе разогреть
или купить по случаю машинку «Зингер» ножную.

Плюс керосин в канистре, если отключат свет.
Прикрутить фитиль, чтоб расходовать понемногу.
Плюс приличный костюм в чемоданчике на случай, если придет ответ
на все вопросы, с которыми обращался к Господу Богу.

★

Култ одесского дворика и одесской коммуналки, вероятно, имеет в себе нечто реальное. И общие посиделки, и колоритные ссоры с бурными примирениями – все это было. Но сколько же ненависти, сколько грязи, сколько повседневного предательства! Думаю, что сталинские времена (да и послесталинские) и немецко-румынская оккупация Одессы показали истинную цену дворовому и коммунальному братству одесситов. Неужели не было во дворе ни одного

доносчика, сексота, информатора? Ясно, что были. По крайней мере, в двух коммунах из двух, в которых мне приходилось жить. Кстати, соседи были в курсе дела.

Неужели так дружно скрывали одесситы греков от сталинщины, а евреев от немцев? В отношении сокрытия греков вообще ничего не знаю. Евреев все же иногда спасали. Десятки случаев... А погибло евреев двести тысяч. Интересно, что вернувшихся из эвакуации, с фронта, чудом уцелевших в гетто в коммуналках и во дворах тоже встречали не так уж ласково.

*

Во время гражданской войны дела обстояли не лучше. Бунина прочитаем, «Окаянные дни»: кого защитило от зверств ЧК хваленое наше «дворовое братство»? о коммунах тогда и не слыхали.

*

Интересная деталь – перед лицом несомненных фактов культ города сменяется на культ района и микрорайона. Это было в Одессе, но этого не было в районе, где мы жили (опять же, двор – наш последний бастион, не было этого в нашем дворе). Вспомнила знакомая бабушкины рассказы, что в их районе погромов не было, поскольку погромщиков «не пустили наши биндюжники». А ведь и я сам в детстве слышал такое...

Ох, почему же именно биндюжники (извозчики ломовые, которые все вставали, когда Костя-моряк входил в пивную)? Сопротивление оказывали организованные вооруженные отряды еврейской молодежи, студенты-интеллигенты по преимуществу. Увы, и в Одесской ЧК были по преимуществу они.

*

Вдруг представил себе, как все встают, когда в пивную входит Костя-моряк. Интересное, вероятно, было зрелище. Ну, как у Бродского: «Когда он входит, все они встают, одни по службе, прочие от счастья».

А ведь великая песня! Она определила городскую топонимику одесского мифа. Мифическая Одесса состоит из Молдаванки и Пересыпи. Конечно, есть и морской порт, в котором живут грузчики, им нет равных. Они отдыхают с баснями Крылова (см. фильм «Опасные гастроли»). От центра нам остается Потемкинская лестница, Николаевский бульвар и Оперный театр. Из улиц – Дерибасовская (на Дерибасовской открылась пивная), Ришельевская (как на Дерибасовской угол Ришельевской в восемь часов вечера разнеслася весть – у старушки-бабушки, бабушки-старушки шестеро налетчиков отняли честь). Есть еще Малая Арнаутская, где, как известно, изготавливаются все колониальные товары, а также Привоз с его бычками и глосиками. Не забыть про брынзу, тюлечку и «синенькие». И где-то вдали маячит почти неразличимый Большой фонтан.

* * *

летняя одежда многодневная влажная трудная жара
в неподвижном вечере у лампочки летает мошкара
из тьмы деревянный летний домик выстоит углом
лиловые гроздья сочатся свисают над столом

летняя одежда легкая накидка нескладный дачный быт
тени листьев неподвижны но в глазах рябит
хоть бы легкое движение хоть бы ветерок
хоть бы утро хоть бы море белый катерок
хоть бы жизнь назад отмотать как пленку или срок

что отмерено грех жаловаться с толком и с лихвой
лиловые гроздья над столом свисают книзу головой
среди листьев лампочка абажур металл
чтоб ночной невзрачный мотылек вокруг летал

чтобы ты сидела ладонями подбородок подперев
чтоб смола янтарная сочилась из гибнущих деревьев
чтобы все высыхало и крошилось чтоб на воздухе кровать
гроздья сочатся лень дотянуться ягоду сорвать

★

Событие, воспетое в песенке «Как на Дерибасовской угол Ришельевской», оставило в сердцах одесситов столь сильный след, что лучший литературный альманах города (похоже, что единственный, так что конкуренции нет) носит название Дерибасовская-Ришельевская». Видно, бабушка здорова, и до сих пор компот у нее не кончился. В одном из первых номеров альманаха была статья об этой одесской песенке под рубрикой «гимны славные».

Такие ли славные? Да и гимны ли...

★

Подумалось – ресторан «Компот» на Дерибасовской, скорее всего, получил название от того самого компота, который кушала старушка.

★

Приблатненность и пошлость нашего песенного фольклора не делает его менее веселым и симпатичным. Точно так же, как и явный еврейский акцент плюс утрированный «одесский язык». По-моему старший школьный возраст – как раз подходящее время для того, чтобы пережить увлечение одесскими песенками типа «Ах какая драма Пиковая дама» или «Гром прогрымел, золяция идет». Было бы замечательно, если бы подобное увлечение стало прививкой против «воровской культуры» как таковой. Два уркана, сбежавшие с одесского кичмана – не почетные граждане Одессы, их лица – не лицо моего города.

Но сколько одесситов – в Одессе и в рассеянии – думают иначе!

★

Совсем невозможной выглядит попытка реанимации этой традиции сегодня. Мне дали ссылку на одесского певца, который и сейчас продолжает одесскую фольклорную традицию и, представьте, популярен, на ю-тубе – роликов десять.

«Оривидерчик, корова Соня, ложись немытыми грудями в ржавый рельс, свои богатства, Соня, я храню в ширинке, чтоб не забыть по женской части интерес...»

Да, как говаривал Сталин, эта штука сильнее, чем «Фауст» Гете.

★

Про Соню – первая песня, которую я прослушал. Следующая называлась «Мухи с мухуями», но дослушать до конца я ее не смог. Скажем так, неудовлетворительное качество... записи.

О нет, и сам я не безгрешен, добавил песню-другую в этот пласт текстов («Антисемит Абрашка Рубинштейн», «Козочка»). Одно оправдание – было мне тогда шестнадцать-семнадцать лет.

★

Нельзя сказать, что одесский миф принимался безоговорочно. Помню, еще в 1966 году существовал лозунг: Одесса – не двадцатого года, а двадцатого века. В этом лозунге было нечто комсомольско-большевистское. Не св. Иннокентия же и не Пирогова, не Бунина, не Жаботинского противопоставляли тогда Бабелю...

Но вот и двадцатый век позади, как и двадцатый год.

★

А двадцатый год был и впрямь – рубежным. Это был год не смены декораций, но смены «актерского состава». Революция и гражданская война вымыли из Одессы людей, составлявших ее духовный костяк. На смену человека «центра» пришел человек предместья, со своими обычаями, характерным юмором, некоторым цинизмом и исковерканным языком.

Эту смену актерского состава прекрасно описал Иван Бунин в «Окаянных днях». В какое отчаяние повергали его новые лица на улицах Одессы... А между тем это было явлением героя. Именно человеку предместья было дано стать титаном одесского мифа, именно с него срисованы бабелевские, катаевские, ильфо-петровские герои. Именно этот человек пришел в восторг от воровской удали и цветистого жаргона. Именно он подхватил песенки с пошлинкой и придурью (наш вариант песен Лебядкина или романа Смердякова). И большевизм был инстинктивно мил этому герою – именно он выпустил героя на волю. Да и родственность бандитизма и большевизма интуитивно чувствовалась, особенно тогда...

Талант писателей нашей, Одесской (в изгнании) школы был поставлен на службу человеку предместья, обитателю карнавальная, мифической, цветистой Молдаванки.

★

Молдаван, молдаванка успех мне пророчит,
как на дело иду не спеша,
полицмей, полицмейстер мешать мне не хочет,
а захочет – тарарам – и ша!

Это ария Мишки Япончика из революционной оперетки «На рассвете» (название – не противовес ли бабелевскому «Закату»?) Ее в шестидесятых пела вся Одесса. Заметим – единственную арию из всей оперетки!

★

Еще в той оперетке Котовский отказывался принять к себе Мишку Япончика. «Революцию нужно делать чистыми руками!» – говорит один бандит другому. Ох...

★

А затем уже и миф начал творить людей по образу и подобию. Одессит хотел быть таким, как Бенья. Священное писание одесского мифа растащили на цитаты. Да что говорить! Мы буквально разговаривали цитатами из Бабеля и Ильфа. Только «Бравый солдат Швейк» вторгся в этот обмен цитатами со стороны. Одессит, а особо – турист и поныне стремятся уловить одесское словцо в гомоне толпы, а, по возможности, и сказать его. Коллекционеры собирают эти высказывания и публикуют в виде небольших книжечек. Писатели, работающие в чисто одесском жанре, тоже внимательно прислушиваются к «языку Привоза», и ничего не услышав, сами изобретают «старые-новые одессизмы»

★

– Не трогайте пирожок руками!
– А чем мне его трогать?
– А вы трогайте его ничем.
– А как же я узнаю, или он теплый?
– А вы мне спросите, я вам расскажу.
– Ой, кто вам поверит...

★

Этот диалог я услышал пятнадцать лет назад. И десятки раз пересказывал его. Услышан он, кстати, не в Одессе, а в США, на Брайтоне. Начавшийся в добровольном изгнании, одесский миф завершается в эмиграции.

★

Напоминаю, что это – отрывки, которые писались, как Бог на душу положит, материал для сборки. Самые простые ответы на вопрос, что собой представляет одесский миф, таковы:

1. Миф состоит, прежде всего, в том, что Одесса – совершенно особый город, инородное тело, кость в горле любого государства, в состав которого она входила. Порто-франко, свободная зона (но зона!) – вот недостижимая мечта города, прошлое, ускользнувшее навсегда. Одесситы – братство, одна семья, вне зависимости от национальности, религии и пр. Иными словами – Одесса, как Арбат у Окуджавы – и мое отечество, и моя религия. Торговля, шутовство и жульничество (тоже с оттенком шутовства) – главные занятия одессита. В Одессе, как в Греции есть все. А если нет – можно достать.

Как и любой миф, одесский миф содержит в себе образ «золотого века», который утрачен и тоску по этому потерянному раю.

Военная тема, как ни странно, не занимает в мифе особого места. Одесса – город-герой, но главный герой Одессы – жулик, трикстер по Юнгу. Хотя в одесском мифе довольно легко вычлениваются и иные мифологемы (вроде «близнецов», «страдающего героя»), но они никогда не могли конкурировать с веселым (или не очень веселым) плутом. (У Тартаковского душа убийцы, но он – НАШ.)

2. Творцы одесского мифа – в основном – советские писатели и поэты, покинувшие Одессу и создавшие ностальгический образ города-жемчужины, красавицы, мечты. Ключевую роль здесь сыграли И.Бабель, И.Ильф и Е.Петров со своим братом В.Катаевым. Определенные добавки сделаны Паустовским – но не Буниным, не Жаботинским, не Ратушинской. Все эти писатели, много написавшие об Одессе, не внесли вклада в миф: м.б. потому, что советская власть была им ненавистна, а создателями одесского мифа горячо любима, до сих пор не пойму – почему?

3. Носителями одесского мифа в настоящее время являются старые одесситы, разбросанные по всему миру, евреи по преимуществу, а также узкий круг одесской интеллигенции, в том числе и литераторы, продолжающие разрабатывать одесские мифологемы. Но чем дальше уходят от нас «золотой век» Одессы, тем навязчивей и выхолащенной становятся повторы, тем труднее одесситу сыграть на публике самого себя.

Аудитория, к которой миф обращен, – преимущественно туристы, гости нашего города. У нас всегда найдется, чем их удивить.

Так приблизительно.

* * *

День города от города вдали
проходит как-то легче. Корабли
в порту Одесском, лестница, бульвар,
фигурка шахматного Дюка, весь набор,
трамвай, едой заваленный базар,
разрушенный-отстроенный собор,
толпа красавиц, говорящих вздор.

Все это – там, на месте, как всегда,
цветет-растет, не ведая стыда.
Жара немного спала. Дождик смыл
пыль с тротуаров, статуй и листья,
оркестр играет. Если свет не мил,
то в этом виноват не свет, а вы.
И простенький мотив, что вас томил,
расширился и звуки распрямил.

Спектакль все тот же. Чуть подновлены
былые декорации. Длинны
сентябрьские деньки. Все это – там,
все это обойдется и без нас,
так легче всем домам и всем крестам
на куполах, и деткам, в первый класс
идущим за руку, и мамам и скотам
в людском обличье, дворовым котам,

обросшим шерстью к осени. В дому
без нас просторней, судя по всему.